

ЮНУС ЧУЯКО: «ВЕЛИКУЮ СТРАНУ НАДО ВОЗРОЖДАТЬ»

«Кавказская земля – невольный свидетель исторической картины, постепенно приподнимает свои пласты, неся человеку слово об удивительной многогранной жизни адыгского народа. Корни его культуры так же глубоки, как и сама история жизни человека на Кавказе...»

Т. Керашев. Слово об адыгах (черкесах), 1932 (Новая публикация в журнале «Литературная Адыгея», 2002, №3).

«Мы – народы Кавказа, и это прекрасно! Только непосвященные люди могут придать слову «кавказец» унижительный оттенок. Наоборот, это безусловное счастье и большая ответственность – быть людьми Кавказа! Надо ценить это счастье и чувствовать ответственность за нашу Родину – Кавказ!»

Юнус Чуяко. Выступление на форуме «Северный Кавказ: литература и действительность», проходившем в г. Грозный в 2008 году. (Материалы опубликованы в журнале «Дружба народов», №9, 2008 г.)

Так через несколько десятилетий обрела современные контуры гуманистическая идея Кавказа: «Великую страну надо возродить!»

Мысль, высказанная Ю. Чуяко на форуме в г. Грозный, сегодня является пафосом творчества адыгейского писателя.

Ныне идут юбилейные дни Юнуса Гаруновича Чуяко. К поре своей творческой зрелости он успел написать десятки новелл и рассказов, очерков и эссе, полемических статей и размышлений о настоящем и прошлом, создать несколько повестей и романов. Он автор очень известных не только адыгскому, но и российскому читателю романов «Сказание о Железном Волке», «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой», «Кавказская диалогия», «Красный дом». Еще в молодости был принят в члены Союза писателей СССР; лауреат литературной премии «Образ» Союза писателей России и «Роман-газет»; лауреат Государственной премии Республики Адыгея; народный писатель Республики Адыгея; Почетный член Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук...

Эти знаки восхождения к известности, укрепления литературной значимости Ю. Чуяко в российском масштабе отнюдь не свидетельствуют о безоблачной писательской судьбе.

«У меня никогда не было сладкой жизни. Вся моя жизнь, вся моя литературная деятельность – это вечное преодоление препятствий...» (из интервью газете «Нарт»). И вместе с тем – «как бы трудно мне ни было, руки мои не опускаются, продолжаю жить и работать» (из того же интервью)...

Перечитывая рецензии, отзывы, отдельные замечания в адрес начинающего автора первых новелл и рассказов 1970 – 1980 годов. Пишут ответственные секретари журналов «Смена», «Крестьянка», «Литературная учеба», газеты «Литературная Россия»... Смысл и тональность ответов с самого начала корректно обтекаемы («материал интересен»), советы однотипны («надо доработать прежде всего подстрочник», «приглушить лирическую волну, не укладывающуюся в рамки сюжетной

прозы», которую редакторы ждут от автора). Сколько нужно было мужества и упорства в смелой защите права на собственное видение темы! Сплошное преодоление в веренице долгих творческих лет! Впоследствии новеллы 80 – 90-х годов («Вернись, Титу, верни-и-ись!», «Аул, в котором не осталось мужчин», «Мелодия далеких гор») стали все чаще обращать на себя внимание литераторов и просто читателей.

Вот доброе письмо заведующего отделом фольклора Абхазского гуманитарного института С.Л. Зухбы, ныне известного доктора филологических наук; вот письмо из Азербайджана читателя К.Г. Храмова, интересная переписка с переводчиками и редакторами московских журналов: С. Баруздиным, В. Дементьевым, Б. Васильевским, В. Бахревичем, В. Меженковым... А начало все расширяющимся межлитературным связям было положено человеком чуткого сердца, поэтом большого таланта Киримизе Жанэ и доброжелательнейшим русским писателем-переводчиком Гарием Немченко. Надо сказать, сотрудничество двух писателей помогло обоим расширить свое поле зрения, обогатить художественное видение и Кавказа, и России.

Профессиональные разборы и любительские отзывы воспринимались и умом, и сердцем, и, скажем, самолюбием автора, сознающим свое право на правду, но еще не умеющим ее сказать «русским слогом», а переводчиков первоначально было трудно сыскать по многим причинам, немаловажным, конечно, – к примеру, из-за отсутствия денег для оплаты их труда. И тогда, и позже много других препятствий приходилось преодолевать писателю.

Зная жизнь и творчество Ю. Чуяко, смеем утверждать, что препятствия крылись не столько в характере жизненных обстоятельств или в личностных свойствах писательской натуры, сколько в перекрещивании характера и обстоятельств. Они обречены на драматизм посто-

янием авторской темы, ракурсом ее разработки и – главное – нравственной требовательностью, даже щепетильностью, педантизмом погружения в реалии жизни и истории. Здесь документы, жизненные перипетии, личные впечатления приобретают единство и достоверность факта искусства.

Индивидуальный стиль Ю. Чуяко возникает из доброго и серьезного, часто неулыбчивого даже, взгляда в общественные и семейные отношения людей, из тревожного и любовного прислушивания к скупой речи старших и разногласиям молодых, из настраивания своего повествования на мудрый лад фольклора.

Казалось бы, в адыгейской повествовательной традиции за многие десятилетия окрепли эти стилиевые качества. Они узнаваемы в прозе Т. Керашева и Ю. Тлюстена, А. Евтыха, Х. Ашинова и И. Машбаша. Узнаваемы по типологическим сходениям и индивидуальным проявлениям.

Собственная и единственная тема Ю. Чуяко – «древо жизни» своего народа, отцы и дети в родовом их единстве и противоречиях, в протяженности во времени, в исторической перспективе. Постоянство писательской думы – о ревнителях памяти поколений, и каждый раз писатель ищет единственное – свое – слово, которое поможет ему не разминуться с высокой жизнью этой думы. Она дает себя знать и в названиях первых рассказов: «Хлебец как солнышко», «Золотой апельсин», «А жеребенок ржет и ржет», «Старая песня», и в заглавиях повестей и романов: «Чужая боль», «Кинжал танцора», «Возвращение всадников», «Красный дом»...

Стиль Ю. Чуяко родственен с национальной традицией и своеобразен. Прикоснемся к символическому образу «Древа жизни». Корни его – память поколений, родная земля; ветви – семья, род, нация, народ в целом; вершина – небо, горный космос высокого духа человечности. Этот многозначный образ воспринимается как символ творчества Ю. Чуяко, объясняет истоки его вдохновения.

Связь творчества с биографией – вещь обычная: где, как не в собственном мире, писатель, особенно начинающий, ищет опоры для своих жизненных концепций и эстетических представлений?

В биографии Ю. Чуяко – и в детские, и в зрелые годы – древо жизни семьи, рода Чуяко мощно своей плодородностью и жизненной укорененностью (в одном а. Гатлукай одно время проживало 530 человек из рода Чуяко, известные писатели, ученые, деятели просвещения, труженики земли, носящие эту фамилию). В крестьянской семье, как правило, закладывались главные нравственные понятия, непрерываемые и твердые.

В автобиографическом рассказе «Очажный огонь моей жизни» Ю. Чуяко помогает нам узнать, как в раннем детстве, еще подосознательно, в нем уже формировался писатель. Сказки, адыгейские и русские, которые он читал маме Зулих, легенды дедушки Моса, песни отца (когда ездили в лес за дровами или на сенокос, на всем пути тот распевал старинные мелодии) – были первой поэтической школой мальчика; «еще в то время зародилась потребность в духовном, нравственном просвещении...». Юнус писал стихи еще в школьные годы, но не думал, по его словам, о писательском ремесле. Здесь выскажем сомнение. Думал, конечно, особенно когда учился в педучилище. Тяга к творчеству была неустанным, горячий интерес к литературе – постоянным, пытливым, упорством, трудолюбием, одержимость словом неиссякаемы по сей день. Они и помогли юноше пройти ускоренными шагами путь от стихийно-природного мышления до интеллектуального взгляда на мир.

В педучилище Юнус писал совсем неплохие стихи, с ними прошел творческий конкурс во Всесоюзном литературном институте. Учиться там не пришлось: был призван в армию.

Впоследствии получил педагогическое образование, серьезную филологическую и журналистскую подготовку в Ростовском-на-Дону университете, приобрел опыт физического и умственного труда, журналистской работы.

В его трудовой деятельности – работа воспитателем детского дома, учителем в школе, слесарем на предприятии, служба в Советской Армии. Вот откуда интерес к детству и школе, воспитательным идеям, пронизывающим роман «Сказание о Железном Волке», вот откуда тема войны, завладевшая творчеством Ю. Чуяко с первых литературных опытов. Он верен ей и по сегодняшний день. Прочтите его новую новеллу «Последний лай старого выжлеца» (в пер. А. Серебрякова) в «Литературной Адыгее» №9 за 2007 г.

Выход Ю. Чуяко к всероссийскому читателю произошел в 1985 году, когда московское издательство «Современник» выпустило его книгу повестей и рассказов «Чужая боль».

Складывающиеся приметы самобытного стиля дают знать о себе в этой первой в «большой прозе» писателя.

Обратите внимание, к примеру, как завязывается в «Чужой боли» почтение к народной легенде. Она появляется в образе леса Шеуфижиковых. Легенду когда-то рассказал герою романа его отец. Так его земляки называли свой лес потому, что во времена чингисханова нашествия из этого леса вышли защитники земли адыгов, и все пали смертью храбрых в борьбе с врагом. Сколько полегло людей, столько выросло деревьев. Деревья, олени, птицы – это погибшие адыги. И вот теперь этот лес истребляют люди, подобные леснику Масху, ослепленные алчностью и безумием: «На мой век хватит». Так и истребляет сам себя Масхуд, свой род он рубит своей рукой. И убитый им олень, уронивший в ручей прекрасный могучий торс, становится символом не только гибнущей красоты, но и самой жизни. Так утверждается главная идея романа, поддерживаемая страстным публицистическим словом автора.

Впервые для себя Ю. Чуяко взял так широко экологическую тему, придав ей нравственное звучание. Повесть ввела автора в ряды писателей русской и отечественной литературы (В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин, А. Евтых, Х. Ашинов, И. Машбаш, Н. Куек), чье чувство родной земли, неразделимости с природой стало способом выражения гражданских идей и пристрастий.

Уже в «Чужой боли» была художественно сильно выражена идея неустанных трудов и мужественной борьбы во имя сохранения адыгов как народа, этноса в целом. Через десять лет эта идея пронизала каждую, даже малую клеточку творческих начинаний писателя, ознаменовала победой его выход на первый план последующих больших эпических произведений. «Великую страну надо возродить». Именно этим лейтмотивом объединены и новый роман «Чужая боль», и исторические повествования «Сказание о Железном Волке», «Милосердие Чер-

ных гор, или Смерть за Черной речкой», «Кавказская дилогия», «Красный дом». Здесь утверждаются любимые автором образы-символы: горы («Мелодия далеких гор» и «Милосердие Черных гор...»), лес Шеуфижовых, дубы-великаны в «Кинжале танцора», священная роща адыгов в «Кавказской дилогии», под стать им образы предков, стойких в защите своей земли.

В восьмидесятые-девяностые годы Ю. Чуюко обращается к новому типу героя, близкого по лирическому складу темперамента и духовным поискам к самому автору.

Новый герой, археолог, историк, начинающий ученый, — удачная находка автора, позволяющая ему естественно погружаться в горячие проблемы этики и философии истории, давать срезы духовной жизни людей разных наций и поколений. Ю. Чуюко создает образы таких героев, вписывая их в историю адыгского рода. Такова прежде всего повесть «Кинжал танцора».

В лучших традициях стиливой манеры Ю. Чуюко кинжал здесь — объединяющий символ мужества, дерзости, национального достоинства. Содержание символа, его смысл автор не торопится обнажать, ведя неторопливо и обстоятельно повествование.

Его интрига — поиски кинжала в старом дедовском доме, предназначенном к сносу. Кинжала, с которым танцевал в своеобразном психологическом поединке с фашистом юный дядя героя Шабан во время оккупации аула гитлеровцами. Юношу застрелил немецкий офицер, увидев смертельную угрозу в его гневной вихревой пласке.

К образу кинжала близки дубы-великаны, под которыми и погиб в танце юный «Марс — бог войны, грома и молнии» (каким его воспринял даже враг).

В повести Ю. Чуюко узнается его художественная концепция неделимости времени и поколений, выраженная в ответственности отцов и детей за прошлое и настоящее. Писатель делает это прошлое живым, потому что не только мастерски живописует его атрибуты от крупномасштабных массовых сцен до бытовых деталей, но и владеет тонкостью психологической нюансировки состояний героев.

Вместе с тем сильны в повествовании авторские лирические строки-размышления, живописные конкретные картины. Один танец с кинжалом чего стоит! Это самостоятельная миниатюра высокого класса. Психологизм в изображении драматических переживаний близких автору героев, касается ли это эпизода войны, коллективизации или смены поколений в современной жизни, — отвечает высоким требованиям мастерства.

Повесть «Кинжал танцора» нам представляется своеобразной разведкой этической темы памяти как средства возрождения России — эта тема завладевает автором в последующих романах.

Первым было «Сказание о

Железном Волке», у которого интересная судьба — драматическая, редкая и во многом типическая. Многолетнее вынашивание замысла, мучительное, присущее подлинно творческой личности его осуществление, причастность русских писателей: Г. Немченко, В. Распутина, С. Шуртакова, В. Ганичева к появлению русского варианта — все это составляет биографию и самого произведения. Гайри Немченко был переводчиком «Сказания...», Валентин Распутин написал к нему предисловие, Семен Шуртаков и Валерий Ганичев в числе первых высоко оценили роман на выездном пленуме российских писателей в Якутии.

Публикация «Сказания о Железном Волке» сперва в местном издательстве (1993), а затем в «Роман-газете» (1994) вызвала широкий отклик читателей, литераторов, людей искусства, ученых разных специальностей, что нашло выражение в газетных выступлениях, письмах, литературных дискуссиях, обсуждениях романа в самых разных аудиториях.

Мы отсылаем к предисловию В. Распутина, первым отклика Р. Хаджибиева, Т. Чамокова, С. Гавриленко, Н. Ловпаче, В. Елагина, аналитическим статьям Е. Салова, П. Аутлева, К. Шаззо, Е. Шибинской, К. Бузарова, С. Хуако и др. — в хронологии публикации материалов названных авторов (Космос «Железного волка», или Панцирь кузнечика. Роман «Сказание о Железном волке» Юнуса Чуюко в критике и читательских отзывах: Газ.- изд. комплекс «Благодарение», — Майкоп, 2001).

Роман «Сказание о Железном Волке» позволил нам квалифицировать это эпическое произведение Ю. Чуюко как значительное явление для адыгейской и русской литератур. Явление по ряду причин: в нем заключено серьезное социально-историческое содержание, воплощенное в художественно мощной картине национальной жизни адыгов; дано философское осмысление ее корней, ее настоящего и будущего, поражающее энергией авторской мысли, питаемой народной мудростью и современным мышлением.

Надо говорить и об этической глубине романа, запечатлевшего нравственный кодекс адыгского этноса, разные пласты его духовной культуры, его педагогику.

Роман открывает возможность и для социологического исследования национальной жизни на протяжении нескольких десятилетий, представляя читателю разные сословия, социальные группы и племенные союзы адыгского общества, развернутые в двух временных плоскостях: в настоящем, протяженностью в двадцать с лишним лет (70 — 90-е годы XX столетия), и прошедшем (XIX век, изображенный как бы в движении вспять, вплоть до мифических времен). Связь настоящего с давно прошедшим осуществляется через узловое события движущейся трагической истории адыгского и русского народов: Кавказская война, события гражданской вой-

ны и тридцатые годы, Великая Отечественная война, строительство Краснодарского водохранилища.

Юнус Чуюко пишет о современности вот уже без малого 40 лет. И столько же лет двигает памятник Времени, помогает растить древо жизни своего и других народов. Вдумчиво, не спеша, не гонясь за успехом, писатель воссоздает образ Времени в его единстве, вбирающем настоящее и прошлое во всей остроте и трудной решаемости проблем.

И сейчас писатель нисколько не уступает разрушительной моде в обращении с историей. Здесь он вооружен надежно уважением к исторической Памяти, чутким осмыслением современности и верой в зоркость зрения и остроту слуха своего читателя. Два романа Ю. Чуюко «Сказание о Железном Волке» и «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой» вылились в «Кавказскую дилогию» о народной судьбе — адыгов и русских. О Кавказе, Поэте и простом человеке — из наших дедов, отцов, сверстников. Эта дилогия о тех из нас, кто отвечает, так или иначе, независимо от сословной принадлежности, образования, интеллекта, за кавказскую войну и последующие войны, за махаджирство наших сограждан по воле политиканов, отвечает потому, что он — современник. Это — эпическая дилогия по охвату времени, эпохальности событий, энергии авторского лирического чувства, его озабоченности нетленностью национального самосознания.

«Сказание о Железном Волке» — взгляд из легенды и из современности на вездесущее и многоликое зло, конкретным временем питаемое и вневременное, а потому и чудовищное. Взгляд, вооруженный знанием исторической правды, заостренный состраданием и страстью понять и обнажить перед читателем истоки беды и Кавказа, и России.

«Милосердие Черных гор...» — роман-плач о Кавказе и Поэте. О совершенном зле и готовящемся. Эти жанровые различия не разводят творение Ю. Чуюко по двум берегам. Романы объединены образами двух джегуако — адыгского ашуга Хаджекыза и русского поэта Пушкина. Сквозные образы рожают ассоциации, лейтмотивы, объединяющие в единое поэтическое целое образы России и Кавказа.

И еще: образ Пушкина впервые предстает через восприятие адыга, тоже героя дилогии. Это автор, Юнус Чуюко.

Книга далась автору нелегко. По существу, он писал художественное исследование духовной жизни двух слоев интеллигенции — русской и адыгской, представленных Пушкиным и Хан-Гиреем и объединяющих их единым Временем.

А вместе с тем Юнус Чуюко не остывает в страстном поклонении Льву Толстому. Создав пьесу, пишет очерк о кавказской поре жизни великого писателя... Не дает Чуюко покоя и лежащая на письменном столе «в работе» историческая трилогия «Красный дом»... А

с нею рядом вызревает новая работа на современную тему — маленький роман «И отзовется горькими слезами», главы которого были опубликованы недавно в газете «Адыгэ макъ».

Нам кажется интересным представить читателям некоторые размышления писателя о литературном процессе и своем творчестве.

«Первейший долг романиста — всегда открывать новое, без этого невозможно создание живых персонажей.

Жизнеспособность моих писаний кроется в том, что все они высечены из цельного куска времени.

С любовью отношусь к своим героям, всегда даю каждому из них «отыгаться» в полную силу, показать себя со всех сторон...

Обычно в моих романах ничто не исчезает: жизнь длится в потмах, продолжается в других героях. Так разворачиваются события в повести «Кинжал танцора», романах «Сказание о Железном Волке», «Родовой герб» и др.

Иногда меня упрекают в излишней драматизации повествовательных сюжетов: мои герои часто получают увечья, нередко умирают. Как быть? Я не знаю. Но логика жизни, ее правда этого требуют. Каждый трагический случай имеет свое начало и логическое развитие; зачастую это завязь духовной жизни моих героев или пик ее развития.

Но мне чужда героизация главных персонажей произведения за счет безликости общего фона, если можно так сказать. Меня притягивает идея создания общего фона народной жизни («Чужая боль», «Красный дом», «Вернись, Титу, верни-и-ись!», «Чернушка Тлимганоковых»).

Другие герои существуют в живом движении, пересекаются на жизненных дорогах — укрупняются за счет единого фона. Так, по крайней мере, я думаю. И, думая так, создаю их образы, иду по своей дорожке.

И еще одно, на мой взгляд, главное. Когда начинающего писателя «затягивают» в какую-нибудь «школу», то советую не переоценивать этой акции, ибо, по моему мнению, так называемые «школы» придумываются самими критиками, чтобы им удобно было разобраться в той или иной литературной ситуации. А ведь каждый художник работает по-своему, все видит своими глазами...

Каждый писатель мечтает о своей Большой книге. Таковой я считал «Чужую боль». Но если оценивать несколько книг как одну «Большую», то я считаю такой книгой «Кавказскую дилогию».

Меня часто спрашивают о писателях, оказавших на меня самое большое влияние. Таким был и остается по сей день Лев Толстой. Его влияние больше, чем всех остальных художников мира, вместе взятых...

Общество, безвольно отрешившееся от морали, эстетики, духовности, задыхается от смрадности бытия, в котором философия потребленчества — основной закон. Люди воочию увидели, что духовная нищета, морально-нравственный упадок приводят общество к трагичес-

ким, порой необратимым, психическим, социальным процессам.

В свете этой ситуации перед писателями стоят неизмеримо сложные задачи. Поиск и утверждение подлинных, а не ложных истин, идеалов и целей... И эти истины и идеалы мы, писатели, и должны воплощать в образы.

Желание узнать, чем живут мои собратья по перу, разделить с писателями России и Северного Кавказа тревоги и заботы нашего творческого союза побуждают меня к участию в писательских съездах и форумах.

Не берусь дать однозначную оценку нашей пестрой, но обезличенной литературе. Но, безусловно, есть чему и порадоваться. Литературный процесс в целом уже не является аморфным, в нем уже проявились позитивные тенденции. И, несмотря на разрозненность, расчлененность пишущей братии, ее маломощность (вспомним плачевную ситуацию с Союзом писателей СССР), адыгейская литература все же находится в постоянном развитии, творческом поиске. Она интересна и востребованна. И у нас в республике с каждым годом увеличивается число пишущих. Это очень отраднo, ибо за последнее десятилетие ушли из жизни такие Мастера, как Хамид Беретарь, Аскер Евтых, Нальбий Кук. Они — наша боль и невосполнимая утрата. Молодые — наше продолжение. Это аксиома.

Чувство сопереживания всегда во мне жило и сейчас живет. Еще тогда, когда во мне зародились благие зерна добра, чем можно было поделиться с другими, в особенности — с молодыми — с тех пор я никогда не скупился. Как будто видя себя в зеркале, я вечно подразумевал в жизни молодых те же сложные пути-перепутья, что преодолевал сам, в особенности — невниманье со стороны старших к начинающим. Это остро воспринимаю и сейчас. Я всегда за то, чтобы молодые проявляли уважение к себе. Не надо слепо идти за кем-то, самоубийственно подражать кому-то. Самоуничтожение рано или поздно приведет тебя к тупику.

Вот почему, будучи редактором на радио, в отделах культуры и быта газет или журналов «Дружба», «Созвездие», я старался у начинающих пробудить чутье к художественному слову, нередко помогая его формированию, публикуя стихи и рассказы на страницах наших изданий, рецензируя произведения молодых.

Конечно, не все, начинавшие в 80 — 90-е годы, выдержали требования большой Литературы. Но вышли из них творчески самоотверженные, утвердившие себя достойно молодые авторы. К примеру, Саня Гуте, очень интересна у нее проза. С большим удовольствием я написал предисловие к поэтическому сборнику Тимура Дербе, к книге рассказов Хабиба Теучежа, опубликовал ряд литературоведческих статей — о поэзии и прозе уже сложившихся авторов.

Исполненные энергии современной эпохи, талантливые, жизнеутверждающие, они несомненно не берут со временем достойную высоту. Давайте же, как гласит адыгейская поговорка, идущим за нами молодым подножки не подставлять! Теперь от них в немалой мере зависит гармония межнациональных и межконфессиональных отношений и стабильности в обществе. Им возрождать нашу великую страну».

**Елена Шибинская, профессор АГУ.
Зурета Коблева, доцент МГТУ.**